

Studia Interkulturowe | Intercultural Studies

Pod redakcją naukową Magdaleny Latkowskiej

Komitety redakcyjne

dr hab. Magdalena Latkowska (przewodnicząca), dr Joanna Piotrowska, dr hab. Boris Schwencke, dr Reinhold Utri

Rada Naukowa

prof. Sambor Grucza (przewodniczący), prof. Silvia Bonacchi, dr hab. Krzysztof For-
doński, prof. Elżbieta Jamrozik, prof. Ludmiła Łucewicz, dr hab. Magdalena Olpińska-
Szielko, dr hab. Boris Schwencke, prof. Małgorzata Semczuk-Jurska, dr hab. Paweł
Szerszeń, dr hab. Małgorzata Świdorska, prof. Anna Tylusińska-Kowalska, prof. Ewa
Wolnicz-Pawłowska, dr hab. Bernadetta Wójtowicz-Huber, prof. Ewa Żebrowska

Wydawnictwo Naukowe
Instytutu Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej
Uniwersytet Warszawski

Warszawa 2017

Założycielka serii

dr hab. Magdalena Latkowska

Komitet redakcyjny

dr hab. Magdalena Latkowska (przewodnicząca), dr Joanna Piotrowska,
dr hab. Boris Schwencke, dr Reinhold Utri

Redaktorzy tomu

dr Joanna Piotrowska, mgr Fiodor Winokurow

Skład i redakcja techniczna

mgr Fiodor Winokurow

Tłumaczenie

dr Joanna Piotrowska (streszczenia w jęz. polskim)
mgr Katia Leonowa (streszczenia w jęz. angielskim)

Projekt okładki

BMA Studio, Rafał Latkowski

ISBN 978-83-64020-41-4 (PDF)

Wszystkie teksty włączone do tomu zostały poddane procedurze anonimowej recenzji zewnętrznej.

Redakcja nie ponosi odpowiedzialności za zawartość merytoryczną oraz stronną językową publikacji.

Publikacja tomu *Prasa w rosyjskim procesie historycznoliterackim* jest dostępna na licencji Creative Commons Uznanie autorstwa-Użycie niekomercyjne-Bez utworów zależnych 3.0 Polska (CC BY-NC-ND 3.0 PL). Pewne prawa zastrzeżone na rzecz autora. Zezwala się na wykorzystanie publikacji zgodnie z licencją — pod warunkiem zachowania niniejszej informacji licencyjnej oraz wskazania autora jako właściciela praw do tekstu.

Treść licencji jest dostępna na stronie: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/pl/>

Adres redakcji

Studia Interkulturowe
Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej
Uniwersytet Warszawski
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa
Tel. (+48 22) 55 34 255/ 248
www.si.iksi.uw.edu.pl
si@iksi.uw.edu.pl

Joanna Piotrowska
Fiodor Winokurov
(red.)

**Prasa w rosyjskim
procesie
historycznoliterackim**

**The Press in the Russian
Historical-Literary
Process**

Wydawnictwo Naukowe
Instytutu Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej
Uniwersytet Warszawski

Warszawa 2017

„Вместо листьев [...] копченые селедки”:
ранний символизм в публикациях „Нового времени”

Елена Андрущенко
(ХНПУ им. Г. С. Сковороды, Украина)

Streszczenie

**„Zamiast liści [...] wędzone śledzie”:
wczesny symbolizm w publikacjach pisma „Nowoje wriemia”**

Artykuł przedstawia stanowisko krytycznoliterackie Wiktora Burienina z lat 80.–90. XIX w. wobec rodzącego się symbolizmu rosyjskiego. Będąc autorem stałej, piątkowej, rubryki *Szki-ce krytyczne* w czasopiśmie „Nowoje wriemia” (Nowy Czas), Burienin żywo reagował na nowe zjawiska w literaturze rosyjskiej. Krytyk starał się nie tylko uczynić elitarny symbolizm zrozumiałym dla czytelnika masowego, lecz także pokazać artystyczną przeciętność tego kierunku. Przy wyraźnie negatywnym stosunku do autorów-symbolistów Burienin sprzyjał jednak popularyzacji symbolizmu, kształtowaniu jego reputacji w świadomości czytelników pisma „Nowoje wriemia”.

Abstract

**“Instead of Leaves, [...] Smoked Herrings”:
Early Symbolism in the Columns of *Novoye Vremya***

This article describes Viktor Burenin’s critical position with regard to the emerging Symbolism in Russian literature of the 1880s and 1890s. As an author of ‘Critical essays’, a regular Friday column in the newspaper *Novoye vremya* (New Time), Burenin reacted vividly to phenomena in contemporary Russian literature. With regard to Symbolism, he not only attempted to interpret it for his wide-ranging readership but also to demonstrate its artistic mediocrity as an elitist art movement. Burenin’s clearly negative attitude towards Symbolist authors, however, promoted the new art movement and contributed to forming the perception of Symbolism for ‘*Novoye vremya*’ readers.

Газета „Новое время” (1868–1917) была одним из самых популярных периодических изданий конца XIX – начала XX вв., оказывавших влияние на разные стороны общественной жизни той поры. Исследователи, обращавшиеся к деятельности издания, сосредоточены в основном на вкладе в становление газеты ее создателя — Алексея Суворина¹, личность которого заслонила фигуру Виктора Буренина. Между тем он оставил заметный след в русской публицистике и литературной критике рубежа веков.

К концу 1880-х гг. произведения писателей, стоявших у истоков символизма,

¹ См., напр.: Б. Глинский 1912; Г. Краснов 1969; И. Соловьева/ В. Шитова 1977; И. Твердохлебов 1977; Г. Краснов 1978; Е. Динерштейн 1993; А. Амфитеатров 1995; Е. Динерштейн 1995a; Е. Динерштейн 1995b; Ю. Климаков 1995; Е. Динерштейн 1998; И. Белякова 2001; Л. Азарина 2008; С. Махонина 2009.

стали одной из тем пятничной колонки В. Буренина *Критические очерки*, а к середине следующего десятилетия прочно заняли в ней свое место. Буренин писал о Вл. Соловьеве, К. Случевском, А. Апухтине, К. Фофанове, М. Лохвицкой, С. Фруге, С. Надсоне, А. Голенищеве-Кутузове, Н. Минском, Д. Мережковском, З. Гиппиус, Ф. Сологубе. Фельетоны, пародии, рецензии критика, направленные против ищущих „новой красоты” и пролагающих путь новому искусству, доставляли им немало неприятных минут, но в то же время привлекали к их творчеству внимание широкого круга читателей „Нового времени” и включали в журнальную полемику тех лет.

Попытки осмыслить литературно-критические взгляды Буренина уже предпринимались², однако его позиция в оценке произведений нарождавшегося символизма еще требует осмысления. В 1880-е гг. критик посвятил более десяти рецензий новым литературным опытам, видя в них отдельные свидетельства „измельчания” литературы, выразившегося „в публицистике, в критике, в беллетристике, в поэзии” [В. Буренин 1889b: 2]. Однако к началу 1890-х гг. стало очевидно, что речь идет уже не о единичных курьезах, а о целом движении, которое, как он писал еще недавно, сложно вывести средством от клопов — „персидской ромашкой” [В. Буренин 1889b: 2]. О том, что Буренин хорошо ощущал происходившие изменения, свидетельствует его пародия на поэму Д. Мережковского *Смерть*, в которой новые поэты охарактеризованы как одно поколение:

В те дни, когда поэтов триста
В отчизне народилось вдруг;
Когда в журналах голосисто
Стонали Надсон, Минский, Фруг;
Когда, как в тихой роще птичка,
Запели Фофанов, Величко,
Как соловей, певец садов,
Зарокотал, защелкал Льдов,
[...]

В те дни и ты, и ты возник,
Питомец Феба, Мережковский,
И принялся ссыпать стихи
В лабаз лирической трухи...

[В. Буренин 1891a: 2].

Но то, что автор выразил в пародии, которая, как известно, есть форма критики, он не был готов произнести в критической статье. В марте 1891 г. Буренин писал, что „в современной нашей художественной литературе типы детей восьмидесятых и девяностых годов еще не нашли своих выразителей [...]. Вероятно, это так случилось потому, что теперь у нас, собственно, нет никакой серьезной художественной литературы; ее заменяет дешевая ремесленная беллетристичес-

² См., напр.: Б. Глинский 1914; А. Рейтблат 1991; М. Лепехин/ А. Рейтблат 1992; С. Дудаков 2003; Р. Весслинг 2005; М. Лепехин 2005; А. Рейтблат 2005; И. Игнатова 2010; Н. Шабалина 2012a; Н. Шабалина 2012b; С. Лобзова 2014.

кая дребедень и еще более ремесленная дребедень — стихотворная” [В. Буренин 1891b: 2]. Между тем на страницах „Нового времени” произведения „детей” неизменно рецензировались.

Содержание *Критических очерков* Буренина оставляет странное впечатление: он характеризовал личность автора, его национальность, внешность, имитировал стиль его поэзии в стихотворных пародиях, приводимых тут же, пересказывал содержание прозаических произведений, но его собственная литературно-критическая позиция при этом ускользала, растворялась в размышлениях, не относящихся к делу. Мнения Буренина, высказанные на страницах „Нового времени” в течение нескольких десятилетий, сложно как-то систематизировать, увидеть их в развитии или связать с историко-литературными взглядами автора. М. Лепехин и А. Рейтблат даже полагают, что „в оценке лит[ературных] произв[едений] Б[уренин] исходил, как правило, [...] из субъективного опыта, собствен[ной] читательской реакции”, а позднее „решающую роль при оценке книг стало играть отношение критика к личности автора, внелитературным аспектам его жизни и деятельности” [М. Лепехин/ А. Рейтблат 1992: 366]. Как представляется, ответ на вопрос о том, чем руководствовался Буренин, подвергая произведения символистов такой уничтожающей критике, лежит в иной плоскости и требует более пристального внимания.

В 1890-е гг. критик сосредоточился на нескольких темах, связанных со становлением символизма: „новая” поэзия, „женская” беллетристика, философская критика. Так, несколько фельетонов Буренин посвятил малой прозе Гиппиус, снисходительно рассматривая произведения в контексте „дамской” беллетристики. В рассказе *Костино мщенье* он обнаружил разработку ходячего анекдота из сатирических журналов [см.: В. Буренин 1893d: 2], а сюжет *Златоцветы* назвал „претенциозно-наивной пошлостью” [В. Буренин 1896с: 2]. Редакцию журнала „Северный вестник” он сравнивал с „психиатрической палатой”, в которой собрались умалишенные: З. Гиппиус „играет в куколки ее убогой беллетристической фантазии и воображает, что эти куколки «новые люди» и что с этими куколками она шагнула на «первую ступень новой красоты»” [В. Буренин 1896b: 2]; болезнь А. Волынского в „буйные минуты” проявляется в том, что он обрушивается на предшествующую русскую критику, а Л. Гуревич — в том, что она приняла на себя роль „сообщницы мелкого, наглого и невежественного журнального фигляра” [В. Буренин 1896b: 2]. Очерк *Ноги в перчатках, желудки, цепляющиеся за маски и проч[ее]* посвящен полемике В. Розанова с Вл. Соловьевым. Отказываясь судить о философии и вникать в суть спора, Буренин принял в нем сторону Вл. Соловьева на том основании, что его, пусть и „неправильные”, взгляды изложены „толково и последовательно, он не делает нелепых и невозможных сравнений и уподоблений, он хотя и слепорожденный и не видит солнца истины, да зато рассуждает по-человечески” [В. Буренин 1894: 2]. В. Розанову, мнение которого о Ф. Достоевском он приветствовал в начале творческого пути тогда еще провинциального автора, Буренин советовал „приложить серьезную заботливость о собственной голове” [В. Буренин 1894: 2].

На общем фоне декадентской литературы критик отмечал и счастливые

исключения — стихотворения К. Фофанова, К. Случевского и К. Бальмонта. Первого он называл лириком, работающим в наиболее сложной области поэзии, где „нельзя ничего достигнуть блестящей искусственностью, риторикой, тщательной обработкой формы, «умной» подражательностью хорошим образцам, «умным» расчетом на известные, затрогивающие современность, мотивы, так называемым, гражданским пафосом, — словом, теми средствами, какие в других родах поэзии могут практиковаться с успехом и, порою, скрашивать отсутствие искреннего вдохновения и скудость непосредственного поэтического таланта” [В. Буренин 1889а: 2]. В поэзии К. Случевского — обнаруживал новое развитие традиционных тем и „особый отпечаток”, который накладывала личность автора на поэзию [см.: В. Буренин 1898: 2], а в К. Бальмонте высоко ценил „несомненное дарование”, проявившееся в первой книге его стихов [см.: В. Буренин 1896а: 2]. Однако в сборнике *В безбрежности* Буренин с досадой отмечал „поползновение к чепухе”, „искусственность содержания, вымученность мотивов” [В. Буренин 1896а: 2], что в его глазах означало стихотворство, а не подлинную поэзию.

Этот упрек Буренин адресовал прежде всего Д. Мережковскому, автору „школьной”, „гимназической” поэзии, которого выделял из общего ряда молодых поэтов как стихотворца образованного, начитанного и плодовитого. Основными недостатками его стихотворений Буренин справедливо называл книжный характер, подражание русским и западноевропейским образцам, отсутствие живого чувства, проявившиеся даже в переводах поэта:

Это, разумеется, бесконечно полезнее, чем сочинять рифмованную прозой какие-то мнимо-символические поэмы, элегии, сонеты и т. п. вздор, сочинять будто бы «от себя», а в сущности прозаично перепевая чужие петье и перепетье поэтические вещи. Но жаль, однако же, что г. Мережковский переводит Эсхила и Эврипида не простой прозой, а стихотворной, жаль, что из чистейшего золота их поэзии он выбивает, по привычке, фальшивую монету [В. Буренин 1893а: 2].

Анализируя лексический строй выполненного Д. Мережковским перевода *Ипполита*, Буренин сравнивает манеру переводчика с тем, как „языком напыщенным, приподнятым, риторическим” Н. Гнедич перевел *Илиаду* [В. Буренин 1893а: 2]. Это ученичество у предшественника критик связывал с тем, что поэт, „муза которого вообще, и по содержанию, и по форме еще очень близка к гимназическим приемам, заразился на школьной скамье фальшивою выпренностью гнедичевского перевода” [В. Буренин 1893а: 2]. Отказывая Д. Мережковскому в поэтическом таланте, называя его стихи „посредственными и холодными” [В. Буренин 1893б: 2], В. Буренин отмечал выход в свет его статей, переводов, романов, заслугу создания которых отчасти приписывал и себе:

Кто, как не я, насмешками над его гимназическими поэмами (о том, как Сереженька полюб[б]ил Верочку или о том, как Оленька полюбила Бореньку) старался отучить его от пустого стихокропательства? Старался и старания были, кажется, не безуспешны: г. Мережковский, вникая в мои насмешливые оценки его импотентного стихотворства, начал постепенно переходить

к трезвой прозе, к переводам Софокла, Эврипида, Монтаня, т. е. начал заниматься кой-чем полезным для литературы [В. Буренин 1893b: 2].

В 1893 г. Буренин откликнулся на публикацию книги *О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы*, в которой ему было посвящено несколько страниц. В разделе III *Современные русские критики* Д. Мережковский писал о несомненной одаренности сотрудника „Нового времени” и его способности к поэтическому творчеству:

Вероятно, немногие знают, что у этого теперь ожесточенного газетного насмешника в далекой молодости была способность к почти искреннему лирическому пафосу. Г. Буренин, как оно ни дико и ни странно, написал несколько поэтических любовных элегий. Это что-нибудь да значит. [...] На его остроумных пародиях, на литературных памфлетах есть несомненная печать — не скажу, таланта, но того, что в другом человеке, при других условиях могло бы сделаться талантом. У него злой, конечно, низменный, грубый и пошлый, но все-таки настоящий злой смех [Д. Мережковский 2007: 449].

Д. Мережковский полагал, что особенности социокультурной ситуации способствовали популярности публикаций Буренина и сделали его авторитетным критиком. Критическая деятельность В. Буренина, которой недостает „чувства литературной нравственности”, названа писателем одним из свидетельств неблагополучия русской литературной жизни, „упадка и всеобщего недоразумения” [Д. Мережковский 2007: 450].

Отвечая Мережковскому, Буренин неожиданно снял маску пародиста — бессмертного „вампира”, который будет „выходить из могилы и терзать вас [...] «острыми критическими когтями»” [В. Буренин 1893b: 2], и высказал свои взгляды на задачи поэзии и сатиры:

Кто не сочинял в молодости «любовных элегий»? Для этого нужна только именно молодость, с свежестью и страстностью чувств, да некоторая способность к версификации в которой, вероятно, мне не откажет г. Мережковский, как и я ему не откажу в такой способности. Скажу даже больше: если бы я думал, что мои «любовные элегии» могли быть кому нибудь нужны, я бы и теперь написал их сколько угодно и притом они были бы несколько не хуже тех, какие я писал в молодости, несколько не хуже тех, какие пишут в наши дни гг. Мережковские, Ми[н]ские, Андриевские, Фофановы и прочие стихотворцы, «вкушающие» манную кашку — то бишь — капли нектара. Но так как, по моему глубокому убеждению, «любовные элегии», и мои, и прочих нынешних поэтов, никому, кроме разве кадетов и гимназистов, не нужны, то я и не пишу их.

Но вот мой смех, который так не нравится всем литературным посредственностям и в их числе г. Мережковскому, я имею смелость считать «чем нибудь». Я имею смелость думать, что я этим смехом, может быть, иногда действительно немножко грубым и резким, оказал кой-какие услуги литературе и в былые годы, да и до сих пор еще оказываю. Я имею смелость думать, что именно в наши дни упадка литературы критический и сатирический смех нужен даже более надутой критики, претендующей

на философскую и серьезную, а на самом деле оказывающейся только забавно-педантической. Но, разумеется, такой смех может иметь зна[ч]ение лишь при том непременном условии, чтобы он был действительно «настоящий злой смех». А так как этому условию мой смех удовлетворяет, [...] то, значит, я и могу продолжать смеяться с некоторою надеждою, что смеюсь не даром [В. Буренин 1893b: 2].

Таким образом, Буренин исходил из утилитарной ценности литературы, а свою задачу видел в том, чтобы средствами сатиры отделить в ней нужное от ненужного, подлинное от фальшивого.

Отголосок этой полемики ощутим в очерке *Начитанные поэты и критики*, в котором предметом насмешки вновь становится новая поэзия. Буренин поделил „декадентов-стихотропателей” на две группы — „совершенно невежественных” и „попугайски начитанных”. У последних „талант и чувства совершенно погребены под банальщиной дутых и книжных фраз, и потому их мнимая поэзия отдает мертвечиной, их стихи кажутся вымученными, деревянными, не смотря на фальшивую риторическую окраску, бестолково заимствованную из разных [...] источников” [В. Буренин 1893c: 2]. В качестве образца декадентского стихотворения он предлагает собственную стилизацию, которая имитирует тему и лексику символистских стихотворений:

В Италии святой, где неба свод, как риза
Лазурная, над тихим морем лег,
Милей всех городов мне старый город Пиза;
Я исходил его и вдоль, и поперек [sic!],
Я видел в нем создания таланта,
Искусство вечного неизгладимый блеск...
[В. Буренин 1893c: 2].

Д. Мережковского критик упоминает один раз, но очевидно, что развернутое размышление в издевательском тоне адресовано именно ему.

Буренин вспомнил об этой полемике еще через два года в очерке, посвященном публикации первых глав романа *Отверженный*. Критик писал, что „великодушно забывает все нападки” Д. Мережковского и посылает ему „привет” по поводу отказа от поэзии [см.: В. Буренин 1895: 2]. Роман писателя Буренин поставил в один ряд с историческими романами В. Крыжановской-Рочестер и Л. Шаховской, полагая, что образованность, „знакомство с языками новыми и классическими” могут обеспечить его произведению успех у читателей [см.: В. Буренин 1895: 2]. Сравнивая *Отверженного* с романами Г. Эберса и Ф. Дана, Буренин приходит к выводу о том, что источником вдохновения для Д. Мережковского был „превосходный образец” — роман Флобера *Саламбо*, поскольку „именно лавры Флобера как исторического романиста не давали покоя г. Мережковскому” [В. Буренин 1895: 2].

В августе 1896 г. в своей колонке Буренин поместил пародию в прозе *Опыт философской критики*. Судя по названию и подзаголовку („Посвящается гг. Мережковскому, Волинскому, Перцову и прочим, на ком шапка горит” [В. Буренин 1896d: 2]), она была направлена на книгу П. Перцова *Философские*

течения русской поэзии (1896). В самом очерке есть подтверждение этому предположению:

[...] именно вследствие того обстоятельства, что современные наши журнальные Канты и Гегели немножко смешивают понятие о «всяком вздоре» с понятием о философии, они с такой охотой пускаются в философские истолкования русской поэзии [В. Буренин 1896d: 2].

В. Буренин пародировал стиль статей, вошедших в книгу П. Перцова, на материале стихотворений Козьмы Пруткова, подчеркивая характерный контекст (мировая философия и литература) и узнаваемые речевые обороты. Комический эффект возникал из сочетания „низкого” предмета анализа и „высокого” слога. Мысль об отсутствии „выразителей” поколения 1880-х – 1890-х гг., высказанная критиком на рубеже десятилетия, здесь неожиданно уточняется. Буренин писал, „что подобное новое «направление» еще только начинается”, но „умные «течения» обыкновенно скоро иссякают, а глупые разливаются широкими и обильными потоками” [В. Буренин 1896d: 2].

Символистское течение к концу века набрало силу, были опубликованы его программные материалы, в свет выходили новые произведения писателей-символистов, на которые Буренин откликался время от времени. Так, в 1896 г. он обратил внимание на две публикации в № IX „Северного вестника” — рассказ Ф. Сологуба *К звездам* и статью З. Венгеровой *Родоначальник английского символизма*, в 1899 г. отметил выход в свет второго романа трилогии Д. Мережковского *Смерть богов — Воскресшие боги. Леонардо да Винчи*, а в начале века вновь вспомнил о его стихотворениях:

Поэт ужасается ничтожества своей жизни, которая полна «бесконечной скукой» и «тихим ужасом». Чего так ужасается г. Мережковский и отчего он скучает — неизвестно; [...] смерть не представит для поэта ничего нового. Это плачевное стихотворное признание художник Лансере окружил подобием рамы, составленной, судя по стволам и ветвям из берез, но только ветви этих берез обременены гроздьями винограда и украшены виноградными листьями. [...] Чем не осеняй подобную поэзию, хоть ветвями лавров, на которых вместо листьев висят копченые селедки, поэзия эта не будет иметь другого значения, кроме скучного и вялого рифмованного баловства [В. Буренин 1901: 2].

Но прежнее ожесточение и полемический задор в критических откликах Буренина уже не ощущаются.

Как нам представляется, в основе борьбы критика с представителями „новой умственной эпохи” в 1890-е гг. лежало противоречие двух языков культуры, обращенных к разным типам читателей. Б. Глинский полагал:

Спрятав свою, так сказать, биографическую личность, В. П. Буренин [...] создал из своей журнальной деятельности любопытную цитадель, где [...] взял на себя задачу обороны лучших заветов нашей литературы от всякого вторжения в нее сомнительных элементов [...] [Б. Глинский 1914: 56–57]; Защищая, обороняя известные положения, он всегда доводит *ad absurdum*

то, что этим положениям противоречит, что их затемняет, что мешает им развиваться и проникнуть в сознание массы [Б. Глинский 1914: 60].

Буренин обращался к читателям „Нового времени” — представителям широких социальных слоев России конца XIX в., ориентируясь прежде всего на общепонятность и доступность, не характерные для произведений символистов. Оказавшись современником процесса расслоения литературы, Буренин решал задачу перевода высоких смыслов на язык невзыскательного читателя. Как справедливо писал Н. Михайловский, роль буренинских фельетонов и пародий „состоит в том, чтобы занять внимание читателей [...] на несколько минут и потом утонуть в безбрежном море забвения” [Н. Михайловский 1897: 427]. Потому, возможно, не так часто в его газетных публикациях помещались серьезные размышления о задачах критики, о месте того или иного произведения в литературном процессе. Другое дело — отдельные сборники работ, издание которых Буренин предпринял в 1880-е гг.: их состав дает некоторое представление о том, на каких позициях критик стоял в оценке литературы и искусства³.

В *Критических очерках* язык нового литературного течения критиком препарировался и разлагался, сложное сводилось к простому, высокое снижалось, непонятное путем аналогий помещалось в привычный ряд. Так, например, проза З. Гиппиус соотносилась с беллетристикой О. Шапир и Л. Гуревич, а роман Д. Мережковского *Отверженный* — с романами В. Скотта, В. Гюго, Э. Бульвер-Литтона, Г. Эберса и Ф. Дана, то есть с теми произведениями, которые читателям „Нового времени” были знакомы и понятны. По точному замечанию Н. Михайловского, ответом на их ожидания была полемика „направо и налево”, „из недели в неделю”, ведшаяся в форме пародии [см.: Н. Михайловский 1897: 428–429]. Это в полной мере отвечало редакционной политике газеты, хозяин которой полагал, что „литература — это то, из-за чего нам нечего волноваться” [цит. по: И. Словьева/ В. Шитова 1977: 189]. Публикуя издательские материалы, имитируя непримиримую борьбу с „негодной дребеденью”, предъявляя необоснованные претензии по поводу национальности, костюма, возраста или сюжета, В. Буренин вводил в свою колонку язык и нравы чиновничьей приемной, дворницкой, улицы. Испытанный еще в „Искре” подход, воспетый В. Курочкиным в стихотворении *Скандал* (1861), здесь безошибочно срабатывал. Отсутствие сформулированной позиции, противоречивость, личные выпады, сведение счетов, полемический задор и неоправданные нападки в публикациях Буренина были не недостатком, а, скорее, достоинством, поскольку привлекали к газете читателей и увеличивали ее тираж. Фельетоны критика решали еще одну практическую задачу: нередко сопровождая выход в свет отдельных изданий символистов, напечатанных в типографии хозяина „Нового времени” — А. Суворина, они повышали интерес к этой продукции, расхваливая ее не слишком хорошо.

В *Критических очерках* Буренина проявилось неприятие раннего русского символизма. Однако эти публикации сыграли свою роль в популяризации нового направления, способствовали формированию репутации писателей в массовом

³ См.: В. Буренин 1884a; В. Буренин 1884b; В. Буренин 1888.

сознании, делали их имена известными, а названия произведений запоминающимися⁴. И хотя это была популярность сомнительного свойства, отклики Буренина постоянно держали писателей-символистов в поле читательского внимания, вводили в центр ожесточенных журнальных обсуждений, которые критик „Нового времени” — этот „буйный гаер”, как он сам себя называл, — постоянно провоцировал и на которые живо откликался в своей пятничной колонке.

⁴ См.: О. Лекманов 1998; О. Лекманов 2003.

Литература

- Азарина, Л. Е. (2008), *Литературные позиции А. С. Суворина* [: диссертация на соискание ученой степени к. ф. н.], Москва.
- Амфитеатров, А. В. (1995), „Старик Суворин”, (в:) „Новое литературное обозрение” № 15, с. 174–182.
- Белякова, И. (2001), „Предан всей душой пользе Отечества...”: Об Алексее Суворине и „Новом времени” по „Дневнику” издателя, (в:) „Сибирь” № 290 (5), с. 207–212.
- Буренин, В. (1884a), *Критические очерки и памфлеты*, Санкт-Петербург, Изд. А. С. Суворина.
- Буренин, В. (1884b), *Литературная деятельность Тургенева. Критический этюд*, [2-е изд.], Санкт-Петербург, Изд. А. С. Суворина.
- Буренин, В. (1888), *Критические этюды*, Санкт-Петербург, Типография А. С. Суворина.
- Буренин, В. (1889a), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 4653 (10/ 22 февр.), с. 2.
- Буренин, В. (1889b), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 4817 (28 июля/ 9 авг.), с. 2.
- Буренин, В. (1891a), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 5369 (8/ 20 февр.), с. 2.
- Буренин, В. (1891b), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 5390 (1/ 13 марта), с. 2.
- Буренин, В. (1893a), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 6071 (22 янв./ 3 февр.), с. 2.
- Буренин, В. (1893b), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 6126 (19/ 31 марта), с. 2.
- Буренин, В. (1893c), *Критические очерки. Начитанные поэты и критики*, (в:) „Новое время” № 6305 (17/ 29 сент.), с. 2.
- Буренин, В. (1893d), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 6375 (26 нояб./ 8 дек.), с. 2.
- Буренин, В. (1894), *Критические очерки. Ноги в перчатках, желудки, цепляющиеся за маски и проч[ее]*, (в:) „Новое время” № 6614 (29 июля/ 10 авг.), с. 2.
- Буренин, В. (1895), *Критические очерки. Приветствие г. Мережковскому за то, что он обратился от упражнений в стихах к историческому роману. — Некоторые размышления о разнице между стихотворцами и поэтами. — Признание г. Мережковского в том, что современные поэты и их произведения — казнь современных читателей. — Нечто по поводу нового романа г. Мережковского. — Предшественники г. Мережковского*, (в:) „Новое время” № 6 780 (13/ 25 янв.), с. 2.
- Буренин, В. (1896a), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 7152 (26 янв./ 7 февр.), с. 2.
- Буренин, В. (1896b), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 7 165 (9/ 21 февр.), с. 2.

- Буренин, В. (1896с), *Из записной книжки критика*, (в:) „Новое время” № 7200 (15/ 27 марта), с. 2.
- Буренин, В. (1896d), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 7359 (23 авг./ 4 сент.), с. 2.
- Буренин, В. (1898), *Критические очерки*, (в:) „Новое время” № 8117 (2/ 14 окт.), с. 2.
- Буренин, В. (1901), *Критические очерки. Цветы новейшей поэзии и новейшего художества*, (в:) „Новое время” № 9149 (24 авг./ 6 сент), с. 2.
- Весслинг, Р. (2005), *Смерть Надсона как гибель Пушкина: „образцовая травма” и канонизация поэта „больного поколения”*, (в:) „Новое литературное обозрение” № 75, с. 122–153.
- Глинский, Б. Б. (1912), *Алексей Сергеевич Суворин. (Биографический очерк)*, (в:) „Исторический вестник” т. 129, [№ 9] (сент.), с. 3–60.
- Глинский, Б. Б. (1914), *В. П. Буренин*, (в:) Б. Б. Глинский, *Среди литераторов и ученых. Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи*, Санкт-Петербург, Типография Тов-ва А. С. Суворина, с. 56–101.
- Динерштейн, Е. (1993), *На правее. Жизнь и смерть А. С. Суворина*, (в:) „Свободная мысль” № 10, с. 80–93.
- Динерштейн, Е. (1995а), *А. С. Суворин и его газета „Новое время”*, (в:) „Новое литературное обозрение” № 15, с. 183–193.
- Динерштейн, Е. (1995b), *Публицист „крайних убеждений”: Путь А. С. Суворина к „Новому времени”*, (в:) А. И. Рейтблат (ред.-сост.), *Лица. Биографический альманах*. 6, Москва–Санкт-Петербург, Феникс–Atheneum, с. 238–274.
- Динерштейн, Е. А. (1998), *А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру*, Москва, РОССПЭН.
- Дудаков, С. Ю. (2003), *Л. Н. Толстой, С. Я. Надсон и другие... И снова Толстой*, (в:) С. Ю. Дудаков, *Этюды любви и ненависти*, Москва, РГГУ, с. 7–79.
- Игнатова, И. Б. (2010), *Литературно-критическая деятельность В. П. Буренина: генезис, эволюция, критический метод* [: диссертация на соискание ученой степени к. ф. н.], Москва.
- Климаков, Ю. В. (1995), *Человек тысячи и одного таланта: Писатель, журналист и книгоиздатель А. С. Суворин*, (в:) „Библиография” № 5, с. 66–75.
- Краснов, Г. В. (1969), *Из записок А. С. Суворина о Некрасове*, (в:) С. Резник (ред.-сост.), *Прометей. Историко-биографический альманах серии „Жизнь замечательных людей”*, т. 7, Москва, Молодая гвардия, с. 285–291.
- Краснов, Г. (1978), *„Творит словом, разговором, мыслью...” Лев Толстой в неопубликованной переписке А. С. Суворина с В. В. Стасовым*, (в:) „Наш современник” № 9, с. 183–188.
- Лекманов, О. (1998), *Шустовский спотыкач, мюнхенское пиво и Д. С. Мережковский*, (в:) „Новое литературное обозрение” № 30, с. 268–270.
- Лекманов, О. А. (2003), *Русский модернизм и массовая поэзия. Статья первая: стихи в журнале „Нива” (1890–1917)*, (в:) В. В. Мусатов (сост.), *Некалендарный XX век*, вып. 2, Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, с. 3–15.

- Лепехин, М. П. (2005), *БУРЕНИН Виктор Петрович*, (в:) Н. Н. Скотов (общ. ред.), *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги*: в 3 т., т. 1, Москва, ОЛМА-ПРЕСС Инвест, с. 311–315.
- Лепехин, М. П./ А. И. Рейтблат (1992), *БУРЕНИН Виктор Петрович*, (в:) П. А. Николаев (гл. ред.), *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*, т. 1, Большая Российская энциклопедия – НВП „Фианит”, с. 365–367.
- Лобзова, С. Л. (2014), *Три книги В. П. Буренина: проблематика та жанровостильова своєрідність* [: дисертація на здобуття наукового ступеня к. ф. н], Харків.
- Махонина, С. Я. (2009), *А. С. Суворин глазами современников и историков XX–XXI веков*, (в:) И. В. Петровицкая (ред.) / И. Е. Прохорова (ред.), *Из истории русской литературы и журналистики. Ежегодник*, Москва, Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, с. 174–200.
- Мережковский, Д. С. (2007), *О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы*, (в:) Д. С. Мережковский, *Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы*, Санкт-Петербург, Наука, с. 428–502 (= Литературные памятники).
- Михайловский, Н. К. (1897), *Дневник читателя (1885–1888 г.)*. VI. *О г. Буренине*, (в:) *Сочинения Н. К. Михайловского*, т. 6. Санкт-Петербург, Типо-Литография Б. М. Вольфа, стб. 415–435.
- Рейтблат, А. (1991), *Книга „Бес в столице” и ее автор (Неизвестный роман-памфлет В. Буренина)*, (в:) „Вопросы литературы” [№ 6] (июнь), с. 208–216.
- Рейтблат, А. И. (2005), *Буренин и Надсон: как конструируется миф*, (в:) „Новое литературное обозрение” № 75, с. 154–166.
- Соловьева, И./ В. Шитова (1977), *А. С. Суворин: портрет на фоне газеты*, (в:) „Вопросы литературы” № 2, с. 162–199.
- Твердохлебов, И. Ю. (1977), *Чехов и „Новое время” Суворина (Эпизод 1886 года. Рассказ „О женщинах”)*, (в:) Л. Д. Опульская (ред.) / З. С. Паперный (ред.) / С. Е. Шаталов (ред.), *Чехов и его время*, Москва, Наука, с. 284–300.
- Шабалина, Н. Н. (2012а), *Творчество модернистов в оценке В. П. Буренина (на примере фельетонов о творчестве Д. С. Мережковского)*, (в:) „Вестник Челябинского государственного университета” № 17 (271), с. 141–145 (= Филология. Искусствоведение 66).
- Шабалина, Н. Н. (2012б), *Мастерство Буренина-критика* [: диссертация на соискание ученой степени к. ф. н.], Казань.